

«МИНСКИЙ ФЕНОМЕН» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПЛАНИРОВАНИЕ ГОРОДОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИЙ
«MINSK PHENOMENON» IN WESTERN SIBERIA: URBAN PLANNING AND REGIONAL URBANIZATION IN THE PERIOD OF RECONSTRUCTIONS

Аннотация. В статье рассматривается процесс урбанизации 1930-х годов, способствующий формированию новых административных центров Западной Сибири. Новая урбанистическая ситуация способствовала складыванию системы регулирования планировки городов и способам ее профессионального и административного контроля. Централизация городского планирования приводит к иерархии городов не только по «возрастным» характеристикам («исторические» или «новые» города) или политическим признакам (административные центры, «региональные» столицы и пр.), но и по «внутренним» принципам (степень ведомственного участия в городах, способность устойчивого функционирования и пр.).

Abstract. The article examines the process of urbanization of the 1930s, contributing to the formation of new administrative centers of Western Siberia. The new urban situation contributed to the formation of a system of regulation of urban planning and ways of its professional and administrative control. Centralization of urban planning leads to a hierarchy of cities, not only by «age» characteristics («historical» or «new» cities) or political characteristics (administrative centers, «regional» capitals, etc.), but also by «internal» principles (the degree of departmental participation in cities, the ability to function sustainably, etc.).

Ключевые слова: урбанизация, городское планирование, советский город, западносибирские города, индустриализация, профессиональное сообщество.

Key words: urbanization, urban planning, soviet city, west siberian cities, industrialization, professional community.

Городская среда имеет следы времени, которые искажают наше пространственное восприятие исторической среды. Устойчивая «археологическая» модель воспринимает город как культурный слой, который может пронизать в следующий или предыдущий пласт. Академик А.В. Иконников отмечал: «связь старого и нового, сегодняшнего и уходящего корнями глубоко в прошлое, во временные пласты, придает комплексу среды в нашем восприятии некую четырехмерность, где четвертое измерение – время» [1]. При изучении города в конкретный исторический период, необходимо помнить о том, что и этот пласт не конечен, он так же, как и современный, лежит на предыдущем. В этой точке скрывается еще одна проблема, уже не столько исследовательская, сколько мемориальная – проблема сохранения старого города. Снос памятников и уничтожение исторических зданий определённая эпоха считает необходимым, а на следующем этапе развития – становится предметом сожаления следующих поколений. Этот «временной» спектр обладает корпускулярно-волновым дуализмом: иногда старый город проходит через века без существенных изменений, а иногда происходит перестройка, и он уже, выходя современным, воспринимается иначе.

Т. М. Бон, исследуя городское планирование Минска, выявил «образцовые» черты столицы республики социалистического государства, а также отметил темпы роста городского населения и превращения из малого города в столичный. Такой рост города и урбанизацию он назвал словосочетанием «минский феномен» [2]. Предпосылками роста города стали: получение статуса (1919 г.) и инфраструктуры (в 1920-е гг.) столицы, индустриализация (1930-х гг.), восстановление (генплан 1946 г.), приход «панельной демократизации».

Если в довоенный период основной способ выбора архитектурного оформления знаковых объектов был конкурс, то в послевоенный период – это директивное управление. Московские и ленинградские архитекторы участвовали в региональных конкурсах не только в Белоруссии, но и по всей стране. Так, например, И.К. Запорожец, московский автор зданий Белорусского государственного университета 1929–1935 гг., также получил право проектировать по итогам конкурса 1935 г. для Омска Дом Советов. Сложная задача сделать столицу будущего промышленно развитой территорией. Время перемен – это окно возможностей. И. Г. Лангбард воспользовался этой ситуацией и надежно закрепился как ведущий архитектор этой территории, стал «своим», «местным» архитектором, который отстаивал территориальные интересы и неповторимые градостроительные особенности на всех этапах градостроительных перипетий, даже при жесткой борьбе в послевоенный период [3]. Фабен, рассуждая о реализации директивных решений, которые республиканские власти были вынуждены реализовывать, приходит к очень важному выводу: «реконструкция советских городов представляла собой синтез предыдущего архитектурного опыта, который проявился в типовых сооружениях, готовых к воспроизведению и использованию практически в каждом крупном городе Советского Союза» [3, с. 90].

«Минский феномен» уникален по своей природе и экономической сложности, противоречивости формирования архитектурной среды и сохранения местных особенностей. Сложно найти подобный пример по масштабам развития. Однако в схожем политическом плане были неосвоенные, малоразвитые территории Западной Сибири. Новониколаевск, ставший впоследствии Новосибирском, в 1939 г., согласно переписи, насчитывал 405 тыс. чел., когда Минск – 237,5 тыс., а также стал миллионером на 10 лет раньше Белорусской столицы – причиной этому явилось длительное восстановление из руин. Новосибирск стал административным центром Сибири после переезда Сибревкома из Омска, также сюда были перевезены управленческие структуры, например, Управление Томской железной дорогой. Однако у такого «набухания» есть побочный эффект. В отличие от Минска, сосредоточение административно-управленческого аппарата в городе привело к тому, что Новосибирск не смог справиться со своими проблемами урбанизации. В годы форсированной индустриализации сложились две противоречивые точки зрения. По мнению новосибирского исследователя С.С. Духанова, одну точку зрения отстаивали проектировщики. В качестве иллюстрации он приводит слова инженера П.Я. Брянцева: «широкая проектировка этих отраслей промышленности в Новосибирске нецелесообразна ни с точки зрения интересов будущей «столицы» Сибирского края, ни по экономическим соображениям» [4]. Другая точка зрения принадлежала органам власти: «горсовет связывал «столичность» Новосибирска именно с размещением в нем тяжелой индустрии и пролетариата» [5]. Сосредоточение предприятий вокруг крупных городов привело к перенаселению и тем самым к усугублению урбанистической нагрузки. И. Невзгодин предпринял попытку изучения феномена «Сибирского Чикаго» (авторство клише приписывают наркому А.В. Луначарскому). С индустриализацией он связывает бурный расцвет «конструктивизма» именно в Новосибирске [6]. Необходимо подчеркнуть, что Р. И. Эйхе занимал высокие партийные и государственные посты, которые позволяли притворять в жизнь самые сложные партийные решения в Сибири, тем самым это стало решающим в назначении его на должность наркома земледелия СССР.

«Сибирской столице» необходим был свой план развития, который так же, как и в Минске, обладал сбалансированным соотношением старого и нового. Несмотря на то, что в регионе были свои творческие силы, которые разрабатывали генпланы для других городов Западной Сибири (Новосибирское отделение Стандартгорпроект – для городов Кузбасса; Новосибирское отделение Горстройпроект – Омск, Кемерово, Ленинск, Сталинск, Томск), Новосибирску в соответствии с иерархией был положен не только столичный размах, но и столичный контроль. В процесс планировки были включены величины, такие как проф. Б. А. Коршунов [7], инж. И. И. Загрявко [8], однако окончательный вариант разработали московские специалисты из Гипрогора – Д. Е. Бабенков, Л. Е. Розенберг, Д. М. Пиллер (генсхема – 1933 г., генплан 1935–1936 гг.) [9]. В. Паперный в своем знаменитом труде один

из первых обратил внимание на прямую иерархизацию городов [10]. Продолжая эту логику, можно заметить, что Новосибирск становится «подобием» региональной столицы, которой положено проектирование только из Центра. Даже со стороны был замечен диктат Гипрогора (в том числе через свои отделы) за проектированием городов [11], в связи с чем возникло деление городов на «старые», т.е. исторические, и новые, т.е. «социалистические». Историческим городам требовалось не одно десятилетие, чтобы «подняться», в том числе за счет «инициации» реконструкций. Так, например, в начале 1950-х гг. московская группа при участии акад. М. П. Парусникова разрабатывала принципиальную схему развития для исторического города Омска – генплан Гипрогора стал неотъемлемым атрибутом в системе ценностей крупных «советских» городов [12]. В. Н. Варакин – выпускник Омского худпрома, преподаватель Белорусского политеха, – в личной приписке отмечал необходимость участия именно местных архитекторов в разработке урбанистических стратегий.

Примечательно, что между Минском и Новосибирском есть и прямые переключки. Так, после войны в Новосибирске должен был быть запущен Новосибирский автозавод, который оснащался в том числе трофейными станками, но согласно постановлению Совмина СССР от 25 сентября 1948 г. строительная площадка и уже созданный промпарк были переданы другому, вновь стратегическому заводу, а оборудование было отгружено на Минский завод.

Предвестником заката карьеры И. Лангбарда Фабьен Белла называет А. И. Гегелло, который составил проект клуба Академии наук в 1944 г. Александр Иванович в эвакуации в Новосибирске вел активную научную и проектную работу, в 1943 г. составил ряд архитектурных и градостроительных проектов для Новосибирска.

В Сибири был свой «Лангбард» – Андрей Дмитриевич Крячков, который архитектурное образование получил тоже в Санкт-Петербурге, и также стал своим, и также творил во всех современных стилях, но оставался верен своему авторскому видению [13].

В заключение, следует отметить, что дефиниция «Минского феномена» не ограничивается территориальными рамками. На примере Минска и его трансформации во времени можно проследить этапы формирования административного центра, степень участия центральных органов власти и профильных ведомств, уровень автономности и пр. Процесс урбанизации – это не только следствие масштабных изменений экономики и политического климата, но и программа, заложенная в проектных решениях градостроителей. Диалектическая противоположность «минского феномена», продемонстрированная на примере Новосибирска, должна встать во главу угла при изучении неоднозначности истории государственной политики планирования советских городов.

Литература:

- 1. Иконников А.В. Искусство, среда время. Эстетическая организация городской среды. М.: Советский художник, 1985. – С. 113.*
- 2. Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Великой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. – 414 с.*
- 3. Белла Ф. Минск: Архитектура столицы. 1917-1956. М.: Кучково поле Музеон, 2020.*
- 4. ГАНО Ф Р-1980. Оп.1. Д.334. Л.3 об.*
- 5. Духанов С.С. Развитие архитектурно-градостроительной мысли в Западной Сибири в период Великой отечественной войны // Архитектон: известия вузов. №1 (49) Март, 2015. – С. 424.*
- 6. Невзгодин И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск: НГАХА, 2013. С. 17-24.*
- 7. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. План гор. Новосибирска. ГМИ СПб Инв.№-I-Б-7341 ч.*
- 8. Государственный исторический музей. Центр гор. Новосибирска. ГИМ 114600/2.*
- 9. Косенкова Ю.Л. Работа над проектами планировки Новосибирска в 1920-1930-е годы // Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы. М.: Либроком, 2010. – С. 202-229.*

10. Паперный В. Культура Два. М: НЛО, 2007. – С.110.
 11. Градостроительство в тени Сталина: мир в поисках социалистического города в СССР. 1929-1935. СПб: Любавич, 2015 – С. 131.
 12. Белан О.В. Архитектура Омска XX века и деятельность главных городских архитекторов Омск, 2004 (рукопись).
 13. Баландин С.Н. Сибирский архитектор. Новосибирск: НКИ, 1991 – 160 с.

УДК 721.05:364.69

А. В. Мазаник

кандидат архитектуры, доцент

Белорусский национальный технический университет

О ДИЗАЙНЕ УНИВЕРСАЛЬНОМ И СПЕЦИАЛЬНОМ ABOUT UNIVERSAL AND SPECIAL DESIGN

Аннотация: Работа посвящена вопросам создания доступной архитектурной среды средствами универсального и специального дизайна. Выбор средств организации доступной архитектурной среды зависит от характера и назначения пространства и требований бенефициаров.

Abstract: The paper is devoted to the creation of an accessible architectural environment by means of universal and special design. The choice of means of organizing an accessible architectural environment depends on the nature and purpose of the space and the requirements of the beneficiaries.

Ключевые слова: доступность архитектурной среды, универсальный дизайн, специальный дизайн, бенефициары универсального дизайна, зонирование локуса по принадлежности.

Keywords: accessibility of the architectural environment, universal design, special design, beneficiaries of universal design, zoning of a locus by affiliation.

Доступность различных элементов пространства определяет степень безопасности и комфортности архитектурной среды. Основным постулатом универсального дизайна является сентенция «архитектура для всех». На самом деле это не более, чем броская запоминающаяся фраза. Для всех – это для слабовидящего беременного младенца-старика с костылем на каблучках в инвалидной коляске. И пусть всем будет одинаково неудобно.

Не нравится тяжело открывающаяся дверь? Давайте заменим на вращающийся карусельный (револьверный) барабан. Не беда, если его преодоление – тот еще квест. Если застрянете или подойдете слишком близко к панели, система остановит вращение. Безопасно. Возникают заторы перед терминалами? Ну, издержки конструкции, потерпите, не волнуйтесь и не торопитесь. Все войдем-выйдем (Рис. 1).

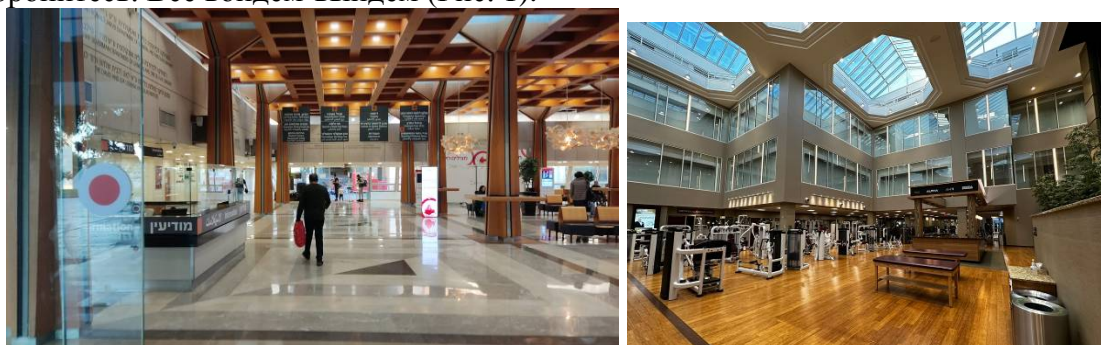

Рис. 1. Решение вестибюльной группы общественного центра:
 а) медицинский центр Шива, г. Рамат-Ган; б) фитнес-центр Ньютона, г. Бостон